

ЧЕРНОСОТЕНЦЫ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Степанов С.А.* (Россия, г. Москва)

***Аннотация.** В работе анализируется позиция представителей черносотенных организаций России накануне и в период Февральской революции 1917 года, выявляются основные стратегические и тактические подходы к сложившейся в стране ситуации, отношение к «распутинщине», раскрывается эволюция взглядов черносотенцев в ходе развертывания революционного процесса в России и прихода к власти большевистской партии.*

В 1913 г. Россия широко и торжественно отпраздновала 300-летие Дома Романовых. Монархические, или, как их часто называли, черносотенные союзы принимали большое участие в торжествах, проходивших по всей стране. Патриотические манифестации вселяли уверенность в Николая II уверенность в том, что монархия незыблема. Царь видел в черносотенцах истинных представителей великого русского народа, готового смести с лица земли жалкую кучку крамольников. Между тем монархии было отпущено всего четыре года жизни до Февраля 1917 года. Почему черносотенцы вопреки своим заверениям не сумели защитить монархию?

Отметим, что черносотенное движение никогда не отличалось единством. Идеи «Самодержавие, Православие, Народность» и «Россия для русских» поддерживало множество разрозненных монархических организаций. Собственно говоря, черносотенное движение представляло собой конгломерат слабо связанных между собой союзов, обществ, лиг, дружин. Самыми крупными из них являлись Союз русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела. В 1910–1912 гг. Союз русского народа пережил болезненный раскол на дубровинцев (по имени председателя Главного совета Союза русского народа А.И.Дубровина и «обновленцев», чьим лидером стал Н.Е.Марков. Дубровинское крыло снискало славу политических радикалов, отвергавших даже самые умеренные уступки со стороны власти и склонных действовать незаконными насильственными методами. В частности они считали, что правительство почти сплошь состоит из изменников, толкавших страну на конституционный путь. Дубровинцев часто называли «революционерами справа». Обновленческое крыло было готово признать компромисс на основе третьеиюньской монархии, включая существование законодательных учреждений. Раскол значительно ослабил силы черносотенцев в канун судьбоносных для страны перемен.

Крайне правые хорошо осознавали смертельную опасность для монархии, которой грозила обернуться вступление России в войну. Особенно наглядно эти настроения были выражены в записке председателя правой группы Государственного совета П.Н. Дурново [1] в феврале 1914 г. По его прогнозу, в случае военных неудач «социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна», и «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению». По мнению черносотенцев, Россия выбрала не тех союзников. Даже в мае 1914 г, буквально в канун войны, лидер обновленческого крыла Союза русского народа Н.Е.Марков говорил с думской трибуны: «Я думаю, что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией, это будет проще и здесь нам будет гораздо легче договориться» [2]. После вступления России в войну черносотенцам пришлось резко изменить фронт. Русский Народный Союз имени Михаила Архангела был вынужден в срочном порядке изъять из своего устава §17, в котором было выражено особое доверие немецкому населению империи. На страницах черносотенных газет немцы из культурного и цивилизованного народа немедленно превратились в орды «гуннов» и «варваров». Пожалуй, единственным правым деятелем, оставшимся верным прежним позициям и осмелившимся открыто заявить об этом, был адвокат П.Ф. Булацель. Когда в Англии заговорили о том, что необходимо объявить Вильгельма II военным преступником, подлежащим суду за свои злодеяния, Булацель откликнулся статьей в «Российском гражданине», указывая, что, с точки зрения монархических принципов, особа любого монарха, будь он царем или кайзером, является

* Степанов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, РУДН.

священной и неприкосновенной. Выступление Булацеля вызвало единодушное осуждение со стороны представителей всех политических сил, включая его соратников по правому лагерю.

Крайне правые заявили о своей готовности сотрудничать со всеми политическими партиями, сплотившимися вокруг лозунга защиты Отечества. Они с одобрением восприняли «патриотическое единение», которое было продемонстрировано почти всеми политическими группировками в начале войны. «Как только вспыхнула война, все политические партии у нас как рукой сняло, – писал обновленческий «Вестник Союза русского народа». – Возьмите любую газету за первые две недели войны и поищите хоть одну строчку, под которой не подписался бы любой, самый строгий союзник» [3]. Однако «патриотическое единение» продержалось недолго. Весной и летом 1915 г. русская армия пережила затяжную полосу военных неудач. Для черносотенцев особенно болезненным был тот факт, что австрийцы заняли Почаев, оплот самого многочисленного отдела союза русского народа.

Первые известия о неудачах на фронте вызвали взрыв антинемецких настроений в Москве, которые в конце мая 1915 г. вылились в трехдневные погромы торговых и промышленных заведений, принадлежавших людям с немецкими фамилиями. Следует отметить серьезное отличие погромов 1915 г. от погромов 1905 г. Если в октябре 1905 г. все начиналось с патриотических манифестаций с царскими портретами, то спустя десять лет от монархических настроений не осталось следа. Заведующий дворцовой охраной А.И. Спиридович вспоминал: «В Петербург долетели слухи о том, что при погроме чернь бранила членов императорского дома. Бранили проезжавшую в карете великую княгиню Елизавету Федоровну. Кричали, что у нее в обители скрывается ее брат великий герцог Гессенский. Хотели громить ее обитель» [4, с.151].

В августе 1915 г. был создан так называемый Прогрессивный блок, объединивший шесть думских фракций Государственной думы (236 из 422 членов IV Государственной думы) и три группы Государственного совета. Вне Прогрессивного блока остались только крайне левые (фактически же меньшевики и трудовики следовали общей тактике блока) и крайне правые. В блок вошла даже часть националистов, получивших наименование «прогрессивных националистов». Черносотенцы восприняли создание Прогрессивного блока как мобилизацию антимонархических сил. В противовес Прогрессивному (или «желтому», как они его прозвали) блоку черносотенцы пытались создать свой патриотический – «черный» блок. Однако черносотенному движению сложно было преодолеть довоенный раскол. Прежде чем договориться о совместных действиях лидерам черносотенных союзов пришлось созвать три предварительных совещания.

Первое из таких совещаний состоялось в Саратове 27–29 августа 1915 г. сразу же после возникновения Прогрессивного блока. Саратовское совещание продемонстрировало свои верноподданнические чувства, одобрив принятие Николаем II должности Верховного Главнокомандующего – решение, которое вызвало несогласие даже в правительственных кругах. Крайне правые выражали готовность встать на защиту монархии, если правительство пойдет им навстречу: «если левые опять затеют смуту, по примеру октября 1905 года, то правительство не только не должно мешать правым поднять противосмутное движение, как оно это делало в 1905 г., а напротив, оно должно вооружить всех монархистов; а теперь, не медля, сделать распоряжение выдавать им свидетельства на право ношения оружия беспрепятственно». Петроградское совещание 21–23 ноября 1915 г. было подготовлено правой фракцией Государственной думы и правой группой Государственного совета. Председателем совещания был избран бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов, государственный деятель крайне правых взглядов. По словам товарища министра внутренних дел С.П.Белецкого, «Боясь разборов на съездею А.Н.Хвостовым и мною было устроено примирение А.И.Дубровина с Марковым» [5, т.4, с.129]. Вместе с тем, по признанию И.Г.Щегловитова, совещание под его председательством не сумело преодолеть давний раскол: «Председательствование это возбудило во мне глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения, по крайней мере в пределах, для меня желательных, нет никакой возможности» [5, т.2, с. 354].

Нижегородское монархическое совещание проходило 26–29 ноября 1915 г. Участники совещания обрушились на либералов из Прогрессивного блока. Указывая на историческое полотно Константина Маковского «Воззвание Минина», Н.Е.Марков говорил: «Посмотрите на картину Маковского. Тогда Минин боролся с ворами, но теперешние воры-прогрессисты – прямые наследники прежних воров, и

с ними нужна борьба иными средствами, ибо они просветлились и стали хитрее». Оценивая итоги работы трех монархических совещаний, следует отметить, что крайне правые не сумели создать патриотический блок. Они также не получили разрешение созвать монархический съезд, намеченный на ноябрь 1916 г. Официальная причина отказа – недопустимость каких-либо политических съездов в тяжелых условиях войны, истинная причина, очевидно, состояла в том, что в правительственных кругах окончательно разуверились в способности крайне правых оказать действенную поддержку властям.

Монархисты с отчаянием наблюдали за неуклонным падением престижа монархии, ставшим очевидным в последние годы Первой мировой войны. Решающую роль в дискредитации монархии сыграли так называемые «темные силы», которые в общественном мнении ассоциировались с Григорием Распутиным. Следует отметить, что некоторые из церковных деятелей, близких к крайне правым, например, саратовский епископ Гермоген, способствовали появлению «божьего человека» в царских чертогах. Позже Гермоген глубоко сожалел о том, что оказался невольным пособником темных сил и вместе с иеромонахом Илиодором пытался устранить старца от влияния на царскую чету. В свою очередь Г.Е. Распутин весьма неприязненно отзывался о черносотенцах: «Всякая политика вредна... Все эти Пуришкевичи, Дубровины беса тешат, бесу служат» [6, т. 2, с. 741].

В черносотенных кругах начала вызревать мысль о том, как бы отправить «божьего человека» на тот свет. Близкий к черносотенцам ялтинский градоначальник И.А. Думбадзе шифрованной телеграммой запрашивал разрешения утопить Г.Е. Распутина во время морской прогулки. Руководители союза русского народа и других монархических организаций уговаривали министра внутренних дел А.Н.Хвостова не стесняться в средствах. Товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий вспоминал свой разговор с лидерами думской фракции крайне правых: «Марков, в присутствии Замысловского, сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли поговорить со мной о необходимости, до открытия Государственной думы, убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемой близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся антидинастическим движением в стране» [7, с.61]. Министр внутренних дел направил в Норвегию доверенного человека с тайной миссией найти бывшего иеромонаха Илиодора и попросить его подобрать нескольких фанатиков, готовых расправиться с Распутиным. Однако заговор министра и беглого расстриги сорвался. Григорий Распутин был поражен открывшимся делом: «Мы ошиблись на толстопузом (так он называл Хвостова А.Н.), на толстопузом, потому что он только из этих дураков правых. Я тебе говорю, все правые дураки» [5, т.1, с.103].

Знамя борьбы с Распутиным поднял лидер Союза Михаила Архангела В.М. Пуришкевич. После начала войны В.М. Пуришкевич отошел от активной политической деятельности, занявшись подготовкой санитарных поездов. Неудачи на фронтах заставили его вернуться к политике. Он решил выступить в Государственной думе с обличением «темных сил», повинных, как он утверждал, в развале тыла. Руководство фракции крайне правых не поддержало критический настрой лидера Союза Михаила Архангела. Ему возражали, что Прогрессивный блок ведет небывалую критическую атаку на правительство и Пуришкевич только сыграет на руку врагам монархии. В.М.Пуришкевич вспоминал: «Как мне памятно последнее заседание фракции перед моей речью, заседание 18 ноября в нашей фракционной комнате 36 в Государственной думе, где я конспективно изложил всю мою речь и просил сделать мне честь говорить в Думе от ее имени, в чем мне было отказано. По лицам сидевших я видел, что три четверти – мои горячие сторонники; но разве фракция у нас свободна в выражении своих взглядов: она в большей своей части терроризирована Марковым, который вкупе с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно по своему, обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло» [8, с. 21–22]. 19 ноября 1916 г. В.М. Пуришкевич выступил в Думе с громовой речью, направленной против Распутина и его клеветов. Его смелое выступление вызвало овацию, причем ему впервые аплодировали и либералы и левые. Резким контрастом была реакция на выступление Н.Е. Маркова, попытавшегося опровергнуть основные тезисы своего коллеги по фракции крайне правых. Его проводили криками негодования. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал: «Уходя с трибуны, размахивая бумагами и грозя кулаком, Марков совсем близко приблизился к председательскому месту и произнес почти в упор: «Вы мерзавец, мерзавец, мерзавец» [9, с. 189]. Черносотенной газете «Земщине», защищавшей вождя обновленцев,

оставалось лишь вопрошать: «скажите, как отнеслись бы в лагере Тушинского вора к Кузьме Минину, если бы ему пришлось держать там речь и призывать воров к патриотизму» [10].

Наряду с В.М.Пуришкевичем атаку на Распутина предприняли члены императорской фамилии. Великие князья пытались вразумить императора, указывая на то, что широко распространившиеся в обществе слухи о всесии Распутин подрывают престиж царствующего дома. В ноябре 1916 г. великий князь Николай Михайлович предупреждал Николая II: «Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст – есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды... Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных» [Цит. по: 11, с.57]. Царь переслал это письмо жене, которая весьма нелицеприятно отозвалась и об авторе и о других членах императорской фамилии: «Он и Николаша – величайшие враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея». Александра Федоровна заклинала мужа: «Милый мой. Ты должен поддержать меня ради блага твоего и Бэби. Не имей мы Его, все давно было бы кончено, в этом я твердо убеждена» [12, т. 5, с. 128–129]. К сонму противников Распутина присоединила свой голос великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Но даже ее авторитет не помог, и великой княгине было предложено покинуть Царское Село. Рассказывали, что на прощание старшая сестра бросила младшей, императрице: «Вспомни судьбу Людовика XVI и Марии Антуанетты».

Близкий к царской семье князь Ф.Ф. Юсуповна (он был женат на племяннице императора великой княжне Ирине Александровне) решил перейти от слов к делу. В.М.Пуришкевич вспоминал разговор с Ф.Ф.Юсуповым: «Ваша речь не принесет тех результатов, которых вы ожидаете, – заявил он мне сразу. – Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в ставке военными операциями». На вопрос, что же делать, молодой аристократ процедил сквозь зубы: «устранить Распутина». В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Ф.Ф. Юсупов и В.М.Пуришкевич заманили Г.Е. Распутина во дворец Юсуповых на Мойке и убили его. Стоя над трупом Распутина, вождь Союза Михаила Архангела недоуменно вопрошал себя: «как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный, типа Силена или Сатира, мужик, влиять на судьбу России и на ход жизни великого народа, страна коего, в сущности, представляет часть света, а не государство. Чем околдовал ты, негодяй, – думал я, – и царя и царицу? Как завладел ты царем до такой степени, что твоя воля, стала его волею; что ты был фактическим самодержцем в России, обратив помазанника Божьего в послушного, беспрекословного исполнителя твоей злонамеренной воли и твоих хищнических appetитов» [8, с. 71].

Вопреки надеждам монархистов устранение ненавистного Распутина не помогло восстановить престиж самодержавия. Черносотенцам пришлось убедиться в этом через два с половиной месяца. 25 февраля 1917 г. Николай II, получивший известия о волнениях на улицах Петрограда, распорядился «завтра же прекратить в столице беспорядки». Однако волнения уже переросли в революцию. До революции вожди черной сотни твердили, что их союзы объединяют несколько миллионов верноподданных, готовых спасти царя и отечество. Они говорили, что в случае бунта по набату соберут народ на соборных площадях для противодействия крамольникам. Однако в толпах людей под красными знаменами, заполнивших петроградские улицы, не было замечено ни одного союзника. Не подал признаков жизни черносотенный рабочий отдел на Путиловском заводе, с которого, как и в 1905 года, покатила революционная волна. Патриархальная глубинка также не оправдала надежд монархистов.

Н.Е. Марков вспоминал: «Уж вечером 27 февраля главный Совет русского народа в Петрограде был разгромлен, а председатель его едва успел спастись за полчаса до появления на его квартире банды вооруженных убийц». Либеральная пресса с нескрываемым злорадством описывала подробности этого бегства: «...около 3-х часов дня Маркову опять-таки по телефону сообщили, что толпа направляется к его квартире. Марков, отойдя от телефона, стал рвать на себе волосы, крича, что он погиб... Затем Н.Е. Марков бросился бежать из квартиры, надев пальто только в один рукав» [13]. А.И. Дубровин и другие лидеры черной сотни были арестованы. Временное правительство решило тщательно расследовать нарушения законов, допущенных старой властью. Была создана Чрезвычайная следственная

комиссия во главе, перед которой предстали царские министры и сановники. Поэт Александр Блок, назначенный секретарем комиссии, оставил красочные зарисовки пребывания в Петропавловской крепости руководителей монархических организаций: «Дубровин, всхлипнувший и бросившийся целовать руку Муравьева – потом с рыданием упал на койку (гнусные глаза у старика)». В.Г. Орлов, создатель железнодорожных черносотенных отделов, позже председатель Отечественного патриотического союза: «Рыдает, шепчет, голоса нет. «Вы победители, я побежденный. Благородство победителей я и взываю» [14, с. 350, 358].

Временное правительство планировало организовать открытый судебный процесс над слугами царского режима. Однако судьба распорядилась иначе. 25 октября 1917 г. к власти пришли большевики. Может показаться парадоксальным, но многие из вождей черной сотни восприняли Октябрьскую революцию, если не с одобрением, то с некоторым злорадством. Их радовало, что большевики покончили с либералами, давними оппонентами крайне правых. Черносотенная газета «Гроза» пела дифирамбы большевикам: «Порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий... В уездах к ним повсюду присоединяются. В Москве противники большевиков – городская дума с купцами, жидами и юнкерами, образовали комитет спасения». В личном архиве академика А.И. Соболевского сохранились черновики писем, в которых бывший член Главного совета союза русского народа признавался друзьям, что его теперешними любимцами являются большевики – уж больно здорово они расправляются с либеральной слякотью. Он писал Б.В. Никольскому: «Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассия), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых».

Черносотенца импонировал разгон Учредительного собрания, осуществленный большевиками 6 января 1918 г. Б.В. Никольский писал в своем дневнике: «Учредилку-то разогнали, – слава Богу. Эти люди, по крайней мере, имеют энергию, пропорциональную их идиотизму, и топят и себя и весь наш подлый бунт, и заодно социализм». Бывший лидер Союза русского народа Н.Е. Марков со вкусом описывал конец первого и последнего заседания Учредилки, «когда по приказу шустрого иудея Урицкого пьяный матрос Желязняков вошел в зал торжественного заседания Учредительного собрания и, хлопнув по плечу председателя», велел прикрывать лавочку. Марков подчеркивал, что народ в своей массе сочувствовал, не велеречивый депутатам, а большевикам: «Для простонародья (значит – для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо все то, что социалисты остальных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу и без всякой соразмерности» [15, с. 374].

Воздавая должное решительности врага, Н.Е. Марков отказывался примириться с новой властью. Он вместе с Г.Г. Замысловским создал в Петрограде конспиративную организацию «Великая единая Россия», которая действовала под видом трудовых артелей. Одновременно Марков руководил «Объединенной офицерской организацией», а также входил в комитет петроградской большевистской организации, являвшейся филиалом «Правого центра» [15, с.22]. Организация взяла на себя задачу подготовить бегство царя и его семью. Однако предприятие натолкнулось на нехватку средств. Лидер черносотенцев с горечью вспоминал: «Зубы скрипят от бешенства, когда вспоминаешь эти неизбежные поиски помощи своему Государю, эти просьбы подачек – Царя ради, эти наглые лица недавних царских блюдолизов, всем благосостоянием, всем существованием своим исключительно обязанных Царской власти и так подло ей изменивших. Не могу забыть их гнусных сцен, когда титулованные и сановные предатели со вкусом лягали ослиными копытами лик поверженного царственного Льва... Когда летом и осенью 1918 года я видел на улицах многих из этих черствых и неблагодарных себялюбцев, стадами гонимых в Кресты и Дерабинку, когда я каждый день слышал о расстрелах то того, то другого, когда я читал большевистские декреты о вскрытии и уплотнении богатых квартир, я не ужасался, я не жалел, злорадствовал и говорил: «По делам горе и мука!» [15, с. 398–399].

Неспособность бывших черносотенцев к подпольной борьбе наглядно проявилась в недолгой истории монархической организации В.М.Пуришкевича. В сентябре 1917 г. после провозглашения России республикой В.М. Пуришкевич начал формировать монархическое подполье. По его словам, в его организации состояло более двух тысяч офицеров и юнкеров в Петрограде и около семи тысяч военнослужащих на фронте. Согласно материалам следствия, вокруг В.М. Пуришкевича группировалось всего несколько

десятков человек. После Октябрьской революции подпольная организация активизировалась. Монархисты пытались использовать опыт своих идейных противников. Схема организации «была масонского образца, пятками, так что члены различных пятков не знали друг друга». Многие члены организации жили в гостиницах по чужим паспортам (Пуришкевич в виде шутки выправил себе фальшивый паспорт на фамилию Евреинов). Однако вся конспирация разбивалась об обычную для черносотенцев недисциплинированность. К тому же в организацию без разбору вербовались юнцы с неустойчивой психикой, один из которых – семнадцатилетний прапорщик Е.В. Зелинский вызвал доверие В.М. Пуришкевича хвастливыми рассказами о том, как он якобы в одиночку убил семнадцать красногвардейцев. На второй день своего пребывания в организации прапорщик по собственной неосторожности провалился и тут же выдал всю организацию, прибавив, что В.М. Пуришкевич предлагал ему «взять на себя миссию убить Ленина и Троцкого, за что обещал деньги, 10 тыс. рублей».

В.М. Пуришкевич был арестован и препровожден в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Судебный процесс над монархистами, состоявшийся в конце декабря 1917 – начале января 1918 г., почти не имел аналогов в анналах советской юстиции. Петроградский революционный трибунал судил В.М. Пуришкевича с соблюдением всех правовых гарантий. Заседания были открытым, подсудимого защищали звезды дореволюционной адвокатуры. Приговор трибунала был на удивление мягким. В.М. Пуришкевича осудили на четыре года общественно полезных работ, но он не пробыл в заключении и полугода, так как был амнистирован 1 мая 1918 г. Милосердие, проявленное по отношению к известному антисемиту и черносотенцу, объяснялась, во-первых, несерьезным характером его монархической организации, а во-вторых, тем, что это был период, когда большевики демонстрировали всему миру гуманность нового строя.

На смену краткой эре милосердия пришел «красный террор». В конце августа 1918 г. в Москве был ранен В.И. Ленин, а в Петрограде убит председатель петроградского ЧК М.М. Урицкий. Черносотенцы меньше, чем кто-либо, могли быть обвинены в причастности к этим террористическим актам. Тем не менее среди 500 заложников (официальные и весьма преуменьшенные цифры), казненных в отместку за покушения, были видные деятели крайне правого лагеря. Ночью 23 августа (5 сентября) на Ходынском поле были расстреляны протоиерей И.И. Восторгов, бывшие министры И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов. В октябре 1920 г. А.И. Дубровин был арестован сотрудниками Особого отдела ВЧК в Москве по обвинению в том, что «с 1905 по 1917 гг. являлся председателем «Союза Русского Народа», который боролся с освободительным движением в России». Его допрашивали на Лубянке лично В.Р. Менжинский и М.Я. Лацис. Президиум ВЧК постановил расстрелять А.И. Дубровина. В годы Гражданской войны были репрессированы многие руководители и рядовые члены черносотенных союзов. Следует отметить, что в черносотенцы скопом всех, кто не только открыто, но хотя бы потенциально мог выразить несогласие с их политикой. Например, в марте 1922 г. Ленин требовал сурово наказать «шуйских мятежников», осмелившихся протестовать против изъятия церковных ценностей. Вождь большевиков распорядился, чтобы судебный процесс «был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи» [16, 190–195]. Приказ В.И.Ленина большевиков был выполнен, причем среди осужденных не оказалось ни одного члена союза русских православных людей в г. Шуйе и уездах, и наоборот, расстрелян был священник П. Светозаров, который до революции боролся с шуйскими черносотенцами.

Несколько бывших черносотенцев пошли на службу большевика. Например, видный деятель Союза русского народа иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов) пытался осуществить в Советской России «церковную революцию», но его энтузиазм не встретил понимания у властей. На путь сотрудничества с советской властью вступил бывший товарищ председателя союза русского народа А.И. Соболевский. Бывший деятель Русского собрания Н.А.Энгельгардт жил в Ленинграде, занимался литературным трудом. «Охранительной грамотой» для него служили цитаты из сочинений В.И. Ленина, который высоко ценил «Письма из деревни», написанные его отцом. Часть черносотенцев, сумевших избежать репрессий и покинуть пределы России, стали эмигрантами. Их жизненный путь оказался различным вплоть до сотрудничества с нацистами, на которое пошел Н.Е.Марков, и утверждений, что Союз русского народа был первой фашисткой партией в Европе.

Черная сотня оказалась несостоятельной встать на защиту монархию в феврале 1917 г. и почти ничем не проявила себя в октябре 1917 г. и последующие месяцы. Как нам представляется, главная причина беспомощности черносотенного движения состояла в его несамостоятельности. Черносотенцы были тесно связаны с самодержавным режимом в политическом, идеологическом, организационном и финансовом отношениях. Монархия не могла найти опоры в тех силах, которые сами не были способны существовать без поддержки сверху.

Список литературы

- [1] *Дурново П.Н.* Записка. Февраль 1914 // Красная новь, 1922. №6 (10). – С. 182–199.
- [2] Вестник союза русского народа, 1914, 16 мая.
- [3] Вестник Союза русского народа, 1914. 27 сентября.
- [4] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1960. Т.1.
- [5] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – М.; Л., 1924–1927.
- [6] Правые партии. Документы и материалы. В 2-х тт. – М.: РОССПЭН, 1998.
- [7] *Белецкий С.П.* Воспоминания //Архив русской революции. – Берлин: Слово, 1923. Т. 12. – С. 5–75.
- [8] Дневник члена Государственной думы В.М. Пуришкевича. – Рига, 1924.
- [9] *Родзянко М.В.* Крушение империи. – Харьков, 1990.
- [10] Земщина, 1916, 25 ноября.
- [11] *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. – М., 1989.
- [12] Переписка Николая и Александры Романовых. – М.-Пг, 1923–1927.
- [13] Речь, 1917, 14 апреля.
- [14] *Блок А.* Записные книжки, 1901–1920. – М., 1965.
- [15] *Марков Н.Е.* Войны темных сил. – М., 2002.
- [16] Известия ЦК КПСС, 1990. №4.